

ПЕРЕВОРОТ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Семья Николая II

Автор

Рыбас Святослав Юрьевич — председатель совета директоров Русского биографического института, член Попечительского совета храма Христа Спасителя, член Общественного совета при Министерстве культуры РФ.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Окончание. Начало см. в № 8, 9/2014

Сцена 1
**ЦАРЬ, ЦАРИЦА, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
 НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РОМАНОВ.
 ЦАРСКОЕ СЕЛО. КАБИНЕТ ЦАРЯ**

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Я ждал, когда ты вернешься. Как дела на фронте?

ЦАРЬ. Хорошо. Войска в полном порядке.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Славно!.. Ты знаешь, есть редкая возможность приобрести несколько полотен старых голландцев, а у меня сейчас, как назло, туго с презренным металлом. Может, ты поможешь своему брату?

ЦАРЬ. У меня нет денег.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Совсем небольшая сумма... Редчайшая возможность...

ЦАРЬ. К сожалению, не могу. Все, что было, мы истратили.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Что-то старинное?

ЦАРЬ. Нет. Госпитали, санитарные поезда, снаряды.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Неслыханно!.. Весьма патриотично!.. Что же делать? Посоветуй.

ЦАРЬ. Продай свой дворец.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ладно... На нет и суда нет... Ты слышал, в Москве был дворянский съезд? Они там решили, что поддерживают требование Прогрессивного блока в части создания ответственного перед Думой правительства. Сие очень тревожно, хотя и не сказать, что очень неожиданно.

ЦАРЬ. Какой дворянский съезд? Дворян-то почти не осталось. Поместья заложены-перезаложены в банках, хозяйствовать не умеют, перспектив никаких. Что они могут самостоятельно решать? Пьеры Безуховы в услужении у тугих кошельков!

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ники, нельзя так, мы тоже дворяне.

ЦАРЬ. Оставь! Ты просто не знаешь, что за миллионы десятин дворянских поместий банки уже выплатили им миллиарды рублей, и завтра этим гордецам в дворянских картузах могут указать на дверь. А они не нашли ничего лучшего, как лаять на то, что их еще как-то защищает, на государственный порядок.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Мы создали империю. Мы отвечаем за нее.

ЦАРЬ. К несчастью, это просто слова.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Не знал, что у тебя такие мысли. Кто-то явно их внушает!

Царь и царица

Николай Михайлович Романов

ЦАРЬ. Наверное, война и внушает...

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Нет, не война, а твоё окружение... Я испросил твоей аудиенции... Я готовился целый месяц, чтобы говорить о главном... Все в письме написано. Позволь прочитать.

ЦАРЬ. Пожалуйста.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. «Дорогой, Ники! Ты неоднократно выражал твою волю „довести войну до победоносного конца“. Уверен ли ты, что при настоящих тыловых условиях это исполнимо? Говорят ли тебе всю правду или многое скрывают? Где кроется корень зла?.. Ты находишься накануне эры новых волнений, накануне эры покушений... Неоднократно ты мне сказывал, что тебе некому верить, что тебя обманывают. А разве не обманывают твою супругу, которой ты веришь? А ведь её постоянно вводят в заблуждение... Если ты не властен отстранить от неё это влияние, то по крайней мере огради тебя от постоянных, систематических вмешательств этих нашептываний через любимую тобой супругу... Если устранишь это постоянное вторгательство во все дела темных сил, сразу начнется возрождение России. Ты сразу вернешь утраченное тобой доверие громадного большинства твоих подданных...»

Императрица с великим князьями assisteрует на операции

ЦАРЬ. Это все? Все дело в моей супруге?

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Нужны немедленные перемены в составе правительства. Само правительство возбуждает общество. Никто революции не хочет. Все сознают, что переживаемый момент слишком серьезен для внутренних беспорядков. Это сознают все, кроме твоих министров. Их преступные действия, их равнодушие к страданиям народа и их беспрестанная ложь вызовут народное возмущение. Я хочу, чтобы ты понял, что грядущая русская революция явится прямым продуктом усилий твоего правительства.

ЦАРЬ. Да, да... Даже так?

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ты рискуешь утратить доверие большинства подданных...

ЦАРЬ. Дорогой Николай, когда ты стал знатоком дел в правительстве? Ты ведь любитель живописи, французский академик... Культурный русский барин. А правительство, какое бы оно ни было, ежедневно работает. Мы будем строить электрические станции на Днестре и на Волхове, новые заводы. Победа — вот рубеж, с которого начнется новая Россия... Что ты знаешь, кроме сплетен в Дво-

рянском клубе? Мы сейчас готовим пушек больше, чем в Англии и Франции... Победа не за горами. Все образуется... Тебе надо успокоиться.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. И еще просьба, Ники. Вся наша семья просит тебя не наказывать Дмитрия и Феликса. Они руководствовались благородным порывом... Не надо смотреть на них, как на обыкновенных убийц, надо смотреть, как на патриотов, пошедших по ложному пути и вдохновленных желанием спасти родину. Шестнадцать подписей стоят под этим обращением к тебе. Почти все Романовы... Я знаю, что и твоя матушка императрица Мария Федоровна тоже так считает...

ЦАРЬ. Чего вы хотите?

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Не высылай Дмитрия на Персидский фронт. Не ссылай Феликса в деревню. Вот наше письмо.

ЦАРЬ. Ты очень хорошо говоришь... И здесь не все Романовы. Где Сергей Михайлович, где Кирилл Владимирович?.. Да ведь никто — будь он великий князь или же простой мужик — не имеет права убивать. Вот что я отвечу вам! (Пишет на коллективном письме.) «Никому не дано право заниматься убийством. Знаю, что совесть многим не дает покоя... Удивляюсь вашему обращению ко мне. Николай».

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Но почему? Это месть?

ЦАРЬ. О чем ты? Их даже не судили... Когда моя жена дни и ночи напролет проводит в операционной вместе со старшими дочками, вы поносите ее как Марину Мнишек, при которой состоит безвольный муж. Когда она пытается убедить дам высшего света сделать хоть что-то для фронта, связать собственными руками хотя бы пару варезжек, они издеваются над ней, как над сумасшедшей иностранкой.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ники, но позволь...

ЦАРЬ. Что же еще позволить? Может, Михайловский замок императора Павла? Я пока что самодержец.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ты ошибаешься. Ты перестал быть самодержцем 17 октября 1905 года. Надо было тогда думать о «божественных правах», а не разрешать парламент кучке политиканов. Теперь, увы, слишком поздно!

ЦАРЬ. Я разрешил Думу осознанно, как первый шаг к обновлению... Повторяю: все образуется! Надо набраться терпения... Ты же говоришь как террорист-неврастеник.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Я не заслуживаю такого тона.

Царь подходит к окну, смотрит в парк.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Я хотел откровенного разговора...

ЦАРЬ. Приказываю тебе завтра покинуть Петербург и до особого указания проживать в твоём имении в Киевской губернии.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ники!

Царь не отвечает. Николай Михайлович уходит.

ЦАРЬ. И это великий князь! Мой двоюродный брат!

Входит Александра Федоровна.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Я все слышала. Они прямо грозят революцией! А ты еще надеешься, что можно договориться? Что он сказал? «На пороге эры покушений»!.. Жалкий клубный болтун!

ЦАРЬ. Я его выслал.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Видишь, что здесь творится? Я боюсь... Не хочу отпускать тебя в Ставку.

ЦАРЬ. Ты самая храбрая из нас.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Предчувствие у меня... Ненависть кругом. Мы как в осажденной крепости.

ЦАРЬ. Порой и мне так кажется.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Надо ударить первыми, пока они не начали бунт.

ЦАРЬ. Ты снова об этом! Пойми, пока не закончим войну, я ничего не могу... На фронте мы подчинены общим союзным интересам, в тылу, увы, интересам торговцев и банкиров. Моя власть уже далеко не абсолютна, в городах ее совсем мало, а деревня сейчас под пятой войны. Я думаю, после победы отдам им формировать правительство. Пусть попробуют. Ведь живет Европа...

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Ужас! Там была и гильотина для короля.

ЦАРЬ. Не только для короля. Поэтому они будут на нашей стороне, чтобы сохранить свои головы. В конце концов проблема власти упирается в проблему желудков, а в этом им больше везет. У меня из головы не выходит, что у страны накопился громадный долг. Мы занимали на железные дороги, на оружие, на заводы... Когда на Министерстве финансов был Витте, он за французские займы тайно расплачивался с их министрами нашими прибыльными акциями! Сейчас Министерство финансов в панике, расплачиваться с милыми союзниками будем десятилетиями.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. А из тебя сделают козла отпущения. Я не позволяю, слышишь, не позволяю даже думать ни о каком ответственном министерстве! Бог справедлив, он спасет твою страну и престол через твою твердость. Бог помазал тебя на коронации, поставил тебя на твое место, и ты исполнишь свой долг. Будь в этом твердо уверен: Он не забывает Своего Помазанника... Прикажи поставить пулеметы на крышах! Военно-полевые суды!

Сцена 2
ПРОТОПРЕСВИТЕР АРМИИ И ФЛОТА
ГЕОРГИЙ ШАВЕЛЬСКИЙ И БАТЮШИН.
ПСКОВ. ШТАБ СЕВЕРНОГО ФРОНТА

БАТЮШИН. Отец Георгий, если коротко — капитал рвется к власти. Победа русской армии ему страшна, так как она лишь укрепит самодержавие, против которого они борются, правда, тайно, лицемерно. Вы часто бываете в войсках. Армия здорова, хотя есть моменты...

ШАВЕЛЬСКИЙ. Николай Степанович, голубчик вы мой, все будет хорошо. Не отчаивайтесь!

БАТЮШИН. Обстановка в столице гнилая. Дума вступила на явно революционный путь в сторону государственного, а весьма вероятно, и династического переворота.

ШАВЕЛЬСКИЙ. Не успеют!

БАТЮШИН. Мне поступило указание судебного прокурора отпустить арестованного моей комиссией одного явного преступника. Пока одного.

ШАВЕЛЬСКИЙ. Даже так?

БАТЮШИН. Вы знаете, в Ставку на днях передали письмо монархических кругов города Киева. Там самые крепкие монархические настроения.

ШАВЕЛЬСКИЙ. Что-то слышал, но не читал. А что там?

БАТЮШИН. (С нарастающим гневом.) Как бороться с наступающим мятежом?.. Предлагается назначить на высшие государственные посты абсолютно надежных людей, способных без колебаний бороться с наступающей анархией. Государственная дума должна быть немедленно распущена. В обеих столицах, а равно в больших городах, где возможно ожидать особенно острых выступлений революционной толпы, должно быть тотчас же введено военное положение (а если нужно, то и осадное) со всеми его последствиями до полевых судов включительно. Военные части в этих городах должны быть заблаговременно снабжены пулеметами и соответствующей артиллерией. Закрыты все органы левой и революционной печати и приняты все меры к усилению правых газет. Всем ответственным руководителям должно быть предоставлено право отстранения от должности неблагонадежных лиц, кои оказались бы участниками антиправительственных выступлений либо проявили в сем отношении слабость или растерянность. Вся военная промышленность должна быть милитаризована. В главные комитеты союзов земств и городов и их подразделения, а равно во все военно-промышленные комитеты должны быть назначены в тылу правительственные комиссары, а на фронт коменданты из эвакуированных офицеров для наблюдения за расходованием отпускаемых казною сумм и для совершенного пресечения революционной пропаганды. Из Государственного совета должны быть удалены все участники так называемого Прогрессивного блока...

Понимаете, батюшка, началась необъявленная война. Она страшнее, чем на фронте. И моя комиссия — это белый террор! И по ней свои же бьют...

ШАВЕЛЬСКИЙ. Государю доложили эту записку?

БАТЮШИН. Кажется, доложили... Никакой реакции. Кстати, к записке следовало пояснение. С горькой иронией говорилось, мол, надо срочно действовать в указанном направлении либо поклониться на волю Божию и спокойно ожидать государственной катастрофы.

ШАВЕЛЬСКИЙ. Теперь понятно.

БАТЮШИН. Что понятно?

ШАВЕЛЬСКИЙ. Государь — мистик, глубоко верующий. Его натура для меня загадочна. Вот что я думаю... Если следовать логике, то в совершенной Божественной вселенной дьявол не может существовать, а между тем дьявол существует, а значит, вселенная несовершенна. Это логическое противоречие. Его не разрешить логическими средствами. При этом считается, что работа Бога имеет два существенных ограничения. Первое в том, что в совершенстве того, что сотворено, Бог не оставил места для своей дальнейшей творческой деятельности. Второе ограничение Божественной силы в том, что, когда предоставляется возможность нового творения, Бог не может не принять ее. Но когда дьявол бросает вызов, Бог не может отклонить его. Если одна из Божьих тварей искушается дьяволом, у Бога открывается возможность создать новое творение.

БАТЮШИН. Простите, не понимаю... Если заработная плата у массы поднялась всего наполовину, а цена на все продукты возросла в пять раз! За килограмм гвоздей теперь надо платить в восемь раз дороже!

Протопресвитер
Г.И. Шавельский

ШАВЕЛЬСКИЙ. Не понимаете? Ну ведь очень просто... Это идеал жертвенного служения государству, который постоянно поддерживается Православной церковью. Он стал чертой народной психологии, утверждается через множество культурных каналов, свидетельство чему находим в великих произведениях Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского и бесчисленных семейных преданиях. Одна из особенностей нашей психологии — это готовность к жертвам во имя высших целей. Николай Александрович Романов в этом смысле сверхрусский человек, он ничего не боится, готов к жертве. И мерит по себе своих подданных.

БАТЮШИН. Но ведь война!

ШАВЕЛЬСКИЙ. А вы посмотрите Свод основных государственных законов Российской империи. В главе первой «О существе Верховной Самодержавной Власти» сказано: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает». Вам понятно? Государь и держава наша под небесной защитой.

БАТЮШИН. А тогда зачем армия, контрразведка, мы с вами?

ШАВЕЛЬСКИЙ. Затем, чтобы Господу помогать.

БАТЮШИН. Ну, хорошо. Будем помогать! И Господу, и Государю... Извините, батюшка. Вы натолкнули меня на одну мысль... (Звонит по телефону). Срочно! Варшавские судебные следователи! Они вне петербургской юрисдикции! Немедленно арестуйте и доставьте в Псковскую тюрьму!

ШАВЕЛЬСКИЙ. Так Варшава под немцами.

БАТЮШИН. (С усмешкой.) А варшавские следователи сейчас при штабе Северного фронта. Я ведь тоже служил с ними в Варшаве!

ШАВЕЛЬСКИЙ. Бог с вами, Николай Степанович. Думаю, вы не вполне понимаете, что у нас происходит. Ему ничего не нужно, он над всеми нашими страстями и интригами. Его собеседники, если по правде, только Бог и История. А Вы со своей комиссией ударяете не столько по злосчастным банкирам, а прямо по нему. Сие есть не христианское дело.

БАТЮШИН. Отец Георгий, что вы?! Посмотрите, что они делают! Не хватает продовольствия, хлеба, сахара, мяса. Они все перекупают в губерниях, у них масса денег, сотни разных агентов с готовыми взятками нашим чиновникам. У них прибылей до пятисот процентов. У властей таких денег нет... К этому добавим, что еще в ноябре четырнадцатого года издан Высочайший указ, согласно которому без разрешения Министерства финансов запрещены любые финансовые операции за рубежом России, переводы денег или разного рода ценностей. А они переводят через нейтральную Швецию! Получают средства из Германии, спекулируют у нас и снова отправляют туда бешеные прибыли!

ШАВЕЛЬСКИЙ. Ну, арестуете двух-трех, и что изменится? Ничего. Сейчас нужно распределять продукты по карточкам. Открыть государственные запасы, как всегда делалось еще при Рюриковичах. В Европе все продукты по карточкам.

БАТЮШИН. Как же! Все эти биржи — Хлебная, Мясная, Биржевой комитет, Биржа пищевых продуктов так и согласятся... Потом не забывайте про городские думы, в них тоже немало агентов-спекулянтов сидит... Вот и получается, что у кого деньги и продовольствие, тот и есть скрытая власть... А наше дело — бороться, врагов изводить.

ШАВЕЛЬСКИЙ. А тот, у кого солдаты, тот уже не власть? Идет борьба за армию.

Эвакуация белой армии из Крыма в ноябре 1920 г.

Здесь либо народное сплочение вокруг Государя, либо спекулянты создадут свое правительство под патриотическими призывами. Они говорят: «ответственное правительство». Перед кем ответственное? Перед Богом или перед ними, перед Мамоной? Подумайте об этом.

БАТЮШИН. Если офицер на поле брани начинает думать на отвлеченные темы, он уже не офицер. Когда я командовал кавалерийским полком, знал одного мыслителя. Он плохо кончил...

ШАВЕЛЬСКИЙ. Перед Богом или перед Мамоной?

БАТЮШИН. Вы меня запутали. Значит, бороться с явным злодеем — это наносить удар по Государю?

ШАВЕЛЬСКИЙ. *(Встает.)* Я этого не говорил. На вызов Господь непременно ответит. А вот что после этого настанет? Явно что-то другое... А какое именно — не дано знать... Будьте кротки, яко голуби, и мудры, яко змии. *(Крестит генерала.)* Он может править только верноподданным народом, а коль такого народа не будет, то все сверху донизу провалится в ад.

Сцена 3
СТАВКА. КАБИНЕТ ЦАРЯ. ГЕНЕРАЛЫ, ИНОСТРАННЫЕ
ВОЕННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ, БРИТАНСКИЙ ПОСОЛ
ДЖОРДЖ БЬЮКЕНЕН

БЬЮКЕНЕН. Ваше Императорское Величество! Мне оказана большая честь вручить вам Большой рыцарский крест ордена Бани, высшего ордена Британской империи, и от имени короля Георга, вашего кузена, передать вам свидетельство огромного уважения, которое народ Британии испытывает к русскому народу и его венценосному вождю. Мы уверены, что под вашим водительством доблестные русские армии в союзе с армиями Британии и Франции разгромят наших врагов.

Вручает орден. Собравшиеся аплодируют. Шкатулка с орденом в руках царя.

ЦАРЬ. Благодарю, господин посол. Передайте моему брату, Его Величеству королю Георгу, что Россия всегда будет верна своим доблестным союзникам. Надеюсь, вскоре в Европе будет мир. Не сомневаюсь в нашей победе.

Все подходят с поздравлениями. Царь и Бьюкенен отходят в сторону.

БЬЮКЕНЕН. Могу ли я предложить на ваше усмотрение одно обстоятельство? Японский посол Мотоно вскоре покидает Россию и возвращается домой. У него есть заманчивая идея, которую наверняка поддержит микадо: в обмен на северную часть острова Сахалин они могли направить на германский фронт японский воинский контингент.

ЦАРЬ. Абсолютно исключено! Я не могу уступить ни пяди русской земли.

БЬЮКЕНЕН. Осмелюсь напомнить Вашему Величеству знаменитое высказывание Генриха Четвертого: «Париж стоит мессы».

Посол Великобритании в Российской империи Дж. Бьюкенен

ЦАРЬ. Вы хотите еще что-то сообщить мне?

БЬЮКЕНЕН. Да, Ваше Величество, если позволите. Меня тревожит распространившееся по всей стране глубокое недовольство, вызванное нехваткой продовольствия, и беспорядки, уже имевшие место в Петрограде. Мне говорят, что левые партии попытаются воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы добиться от правительства политических уступок. Уверен, что власти не будут прибегать к репрессивным мерам. Я прав?

ЦАРЬ. Слушаю вас.

БЬЮКЕНЕН. Ведь недовольство вызвано сознанием того, что в такой богатой природными ресурсами стране, как Россия, трудящиеся не могут получить предметов первой необходимости из-за некомпетентности администрации. По донесениям наших консулов, крестьянство утрачивает веру в непогрешимость императора, самодержавие лишается опоры из-за недобросовестности его министров.

ЦАРЬ. Вы о чем?

БЬЮКЕНЕН. Меня можно осуждать, но оправданием мне служит верность Вашему Величеству и императрице, в которой я черпаю вдохновение. Считаю своим долгом предупредить Ваше Величество о бездне, которая находится впереди вас. Вы подошли, сэр, к развилке и должны теперь сделать выбор между двумя путями. Один приведет вас к победе и славному миру, другой — к революции и катастрофе. Позвольте мне просить Ваше Величество выбрать первый.

ЦАРЬ. Я знаю, вы встречаетесь с нашими оппозиционерами, господин посол. Напомните им, что сейчас идет жестокая война. Что выступать против законного правительства — это предательство России и ее союзников. Надеюсь, они не мечтают повторить опыт заговора против моего прапрадеда Павла? Или после громкого убийства, в котором замешан один молодой англичанин, им будет все позволено?

БЬЮКЕНЕН. *(Явно растерян.)* Нет, Ваше Величество, я просто хотел... Простите за откровенность, Ваше Величество... Позвольте надеть ваш орден?

ЦАРЬ. Не стоит беспокоиться.

Передает шкатулку с орденом дежурному адъютанту. Все застыли в изумлении.

Сцена 4
АЛЕКСЕЕВ, ГУЧКОВ, КОНОВАЛОВ.
СЕВАСТОПОЛЬ. ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ

АЛЕКСЕЕВ. Да, прихворнул я. Не вовремя, каюсь. Но вот выпала минутка затишья, поправлю здоровье напоследок. А как вы, Александр Иванович? *(Смеется.)* Ах, да! Вы оба Александры Ивановичи!

ГУЧКОВ. Это мы — слава Богу. Решили вас проведать, в штабе флота с моряками потолковать... Разное люди говорят, чаще всего выражаются весьма откровенно. Ведь рыба с головы гниет! Если у вас тут еще тихо, то столица уже бурлит. В таких условиях армия не может быть уверена за свой тыл.

КОНОВАЛОВ. Можно сказать еще резче.

АЛЕКСЕЕВ. Сказать-то можно всяко... Во время войны, накануне решающего наступления лучше бы погодить с резкими речами.

КОНОВАЛОВ. Завтра может оказаться поздно. В любом случае жизнь перешагнет труп тормозившего ее сословия так же равнодушно, как внешняя вода переливается через плотину.

АЛЕКСЕЕВ. Какой труп? Что вы?! Здесь в Крыму так все спокойно. Скоро наш десант возьмет Проливы. Армия отлично снабжается...

ГУЧКОВ. Михаил Васильевич, не надо лукавить. Вы все знаете не хуже нас... Наши соратники строят военные заводы, автомобильный завод в первопрестольной, первый в Европе аэродинамический институт, десятки санитарных поездов, создали урановую экспедицию академика Вернадского, сплотили частные предприятия для работы по военным заказам.

АЛЕКСЕЕВ. А мы, рабы Божии, сидим на печи? Нет, вы, мои дорогие, империю не перепрыгнете.

КОНОВАЛОВ. Рано или поздно война окончится, и тогда русский народ спросит нас с вами... Россия фактическая полуколония. Питерские банки только внешне русские.

Наш долг европейским странам свыше 10 миллиардов золотых рублей, сотни миллионов русского золота уходят за границу вместо того, чтобы оставаться у наших промышленников. У иностранцев в металлургии, в паровозостроении, в судостроении — где 80, а где 100 процентов. В нефтедобыче то же самое — 80 процентов у групп «Ойл», «Шелл» и «Нобель».

АЛЕКСЕЕВ. Это временно. Вы знаете, принят закон о секвестре? Министерство торговли и промышленности контролирует торговлю металлами. Здесь спекуляции конец. Взятые под государственное управление «Сименс», «Всеобщая компания электричества». Так что потихонечку как-то складывается.

КОНОВАЛОВ. А банкиры?

АЛЕКСЕЕВ. Да, они известные крокодилы. Наша контрразведка придержала одного. Едва удалось его спрятать от питерских судебных следователей во фронтную тюрьму.

ГУЧКОВ. Рубинштейн? Не беспокойтесь, скоро и там найдут и прикажут выпустить!

АЛЕКСЕЕВ. Крут ты, Александр Иванович! Хотя и не военный, а много пороха нюхал. А я, старик, еще больше... Мой отец крепостным мужиком был рожден, оборонял вот этот Севастополь, где мы сейчас, до майора дослужился... Вот послушал бы он вас!

КОНОВАЛОВ. Мы тоже не из князей. В том-то и дело, что идет и вторая война, тайная, за будущее России. Мы, несомненно, победим Германию. А потом начнется невообразимое, как после Японской, когда тысячи солдат с фронта стали все громить в Сибири. Но то был крошечный эпизод. Нынче это будет по-другому! А нынешняя власть не сможет их удержать. Придется удерживать нам с вами. Да только без помощи союзников не справиться. И окажется Россия полностью под ними. Это еще в лучшем случае...

АЛЕКСЕЕВ. Чего же вы от меня хотите?

ГУЧКОВ. Вы подлинный начальник армии, все фронты под вашим управлением... Мы в Питере начнем, обеспечим вам прочный тыл, а вы доведете войну до победы.

АЛЕКСЕЕВ. И дальше что?

Генерал А.А. Брусилов (сидит)

ГУЧКОВ. А ничего. На троне будет наследник при регентстве Михаила. Правительство будем назначать мы, русские патриоты.

КОНОВАЛОВ. А больше никому... Дворяне после Столыпинской реформы сходят со сцены. Даже не смогли создать Союза землевладельцев, чтобы взять в свои руки сбыт и выбросить банкиров и спекулянтов — те отнимают основную прибыль на рынке продовольствия. У немцев в таком Союзе сотни тысяч, а у нас пшик!

АЛЕКСЕЕВ. Эх, Александры Ивановичи... Как понимаю вас! Сам все вижу. Но нет, не могу согласиться. После войны, когда победим, может быть... А во время войны — никак. Станет еще хуже, поверьте.

КОНОВАЛОВ. Вешний поток не остановить.

АЛЕКСЕЕВ. Экий вы упертый с вашим «вешним потоком». Не все в России просто делается. Вот вы недавно на собрании Городского союза призывали за свержение правительства и замену его Временным правительством. Кем персонально? Профессорами? Адвокатами? Писателями из газет? Банкирами?.. Вас мгновенно сметут радикалы, не успеете и пикнуть.

КОНОВАЛОВ. То-то и оно! Грядет тектонический переворот. Только мы удержим положение — одной рукой мы крепко держим экономику, а другой — темный народ. Мы — последние. За нами — с топорами. Но мы с вами им не дадим! У армии кроме нас не будет другого союзника.

ГУЧКОВ. На радикалов найдутся пулеметы!

АЛЕКСЕЕВ. Вот вам и «прочный тыл»... Я ведь знаю не меньше вашего, если не больше. Столкновение фронта и тыла налицо. Мы хотим продовольствие получать подешевле, а министр земледелия поднимает твердые цены на продовольствие в полтора раза. Кто сейчас важнее: армия или крестьяне? Резкое повышение расходов военного министерства — это всплеск дороговизны. Но военный министр отменяет решение министра земледелия. Хорошо ли? Нет, не совсем. Теперь крестьянин не хочет продавать хлеб за дешево... Ну а добавьте вы сейчас нашим православным огонька... и что получим?.. Надо дожидаться победы... Хотя, конечно, я вас понимаю...

ГУЧКОВ. Пожалуй, вы правы, Михаил Васильевич. Подождем весеннего наступления, а там уж...

АЛЕКСЕЕВ. Наконец-то вы согласились. Вот и славно. (Встает, смотрит в окно.) Эх, Севастополь, Севастополь... Святой город!

КОНОВАЛОВ. (Гучкову.) Ну и что? Он так и будет колебаться.

ГУЧКОВ. Ничего, переубедем. Все командующие фронтами пойдут за нами.

АЛЕКСЕЕВ. Читаю «Севастопольские рассказы» Льва Толстого... Великие люди были! Богатыри!

Сцена 5
ЦАРЬ, РОДЗЯНКО, ДЕЖУРНЫЙ АДЪЮТАНТ.
СТАВКА, КАБИНЕТ ЦАРЯ

ЦАРЬ. Сколько бумаг!.. Французское посольство... Так, что наши у союзников перехватили?.. (Читает.) Значит, после отставки министра иностранных дел Сазонова, которого считают «могущественным» английским агентом... Отсюда вся нервозность Бьюкенена. Явно поддерживает оппозицию... Ну это нам понятно...

(Берет следующее донесение.) Что сообщает полиция... «В Петрограде 200 тысяч человек в запасных батальонах. Ненадежны. Необходимо срочно ввести Гвардейскую дивизию, отозвав ее с фронта...» Ну это старая песня. Еще подумаем, стоит ли отзывать лучшую дивизию?

ДЕЖУРНЫЙ АДЪЮТАНТ. Письмо из Царского!

ЦАРЬ. (Читает.) «Еще посылаю одну бумагу относительно контрразведки Алексеева. Эти люди мешаются в дела, совершенно их не касающиеся, этому надо положить конец. Относительно Рубинштейна — этот человек при смерти. У него страшный сахар в крови. Протелеграфируй или же прикажи Алексееву немедленно телеграфировать Рузскому о переводе Рубинштейна из псковской тюрьмы в ведение министра внутренних дел...» Опять эта контрразведка!.. Ах, а вот это славно... «Бэби начал лучше играть на балалайке, у Татьяны тоже вчера был урок — я хочу, чтоб они все научились играть вместе, это будет прелестно».

ДЕЖУРНЫЙ АДЪЮТАНТ. Председатель Государственной думы Родзянко!

Входит Родзянко.

ЦАРЬ. Здравствуйте, Михаил Владимирович. У вас действительно что-то срочное, если вы не дожидаетесь, когда я вернусь в Петроград?

РОДЗЯНКО. Чрезвычайно срочное! Обстановка в столице с каждым днем все хуже. Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи. На крупнейших заводах. Десятки тысяч! Требуют хлеба, есть призывы против войны... Неизвестные подстрекают подростков. Какие-то анархические типы врываются на заводы и останавливают работу... Нужны чрезвычайные меры!

ЦАРЬ. Но ведь хлеба в городе достаточно... Надеюсь, это не революция, как меня пугают в последнее время?

РОДЗЯНКО. Положение самое серьезное... Кроме того, мне известно, что готовится заговор против вас.

ЦАРЬ. Вот как? Кто же готовит? Мои родственники?

РОДЗЯНКО. Родственники? Не знаю...

ЦАРЬ. Тогда кто же?

РОДЗЯНКО. Ваше Величество, не могу вам всего сказать, но заговор есть.

ЦАРЬ. Не можете?

РОДЗЯНКО. Я связан словом.

ЦАРЬ. Вы серьезно? Заговор против Верховного Главнокомандующего во время войны? И вы молчите?

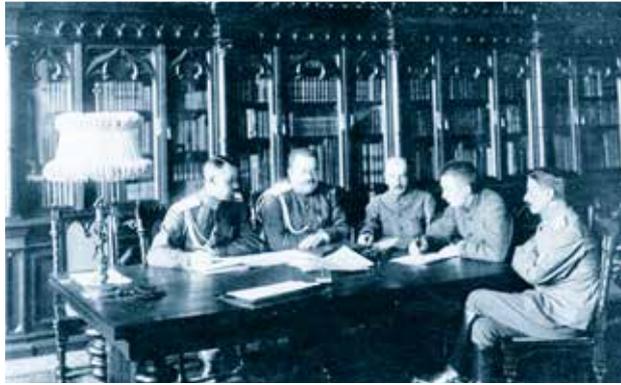
РОДЗЯНКО. Поймите меня...

ЦАРЬ. Конечно, понимаю. Вы просто перенервничали в последнее время.

РОДЗЯНКО. Ваше Величество, вы находитесь в информационной изоляции, полиция не сообщает всего... Протопопов плохой министр, он не говорит вам всей правды.

Члены Временного правительства, в которое вошли А.И. Гучков и А.И. Коновалов. Плакат

Премьер-министр Временного правительства А.Ф. Керенский совещается с генералами

ЦАРЬ. А когда был вашим товарищем в Думе — был хорошим? Ведь так?

РОДЗЯНКО. *(Вытирает платком лоб.)* Я все сказал. Единственный выход — новое правительство, ответственное перед Думой. Только так можно удержать...

ЦАРЬ. Почему только так? Можно пулеметами, как во Франции, или Сибирью. Вы об этом не думали? И вообще — в чем смысл верховной власти? Можете мне ответить? Молчите?

РОДЗЯНКО. Ну, управлять, защищать... Надо успокоить недовольных!

ЦАРЬ. Недовольные есть всегда. Не о них речь. Царь управляет не только образованными господами с тысячными доходами, он поставлен над всем российским миром, чтобы принять на себя все его нестроения, все зло власти, все беды. Он ответчик перед Богом за всех. А вы говорите — ответственное министерство. Перед кем? Перед случайными господами в пиджаках? Человеческая природа несовершенна, она греховна. Должен же быть кто-то, кто отвечает только перед совестью и Богом!

РОДЗЯНКО. Как объяснить такое толпе? Ей надо кинуть кость.

ЦАРЬ. Дайте победить, после победы подумаем и об ответственном министерстве. Надеюсь, не все же среди вас безответственные?

РОДЗЯНКО. Время не ждет!

ЦАРЬ. Скоро вернусь в столицу, тогда со всем разберусь. А вас прошу успокоить некоторых особо нетерпеливых, чтобы не взывали к рекам ада!

Родзянко уходит.

ЦАРЬ. *(Дежурному адъютанту.)* Телеграмма в Псков Рузскому. Рубинштейна немедленно отправить под конвоем в Сибирь... Далее. Пригласите Алексеева. Будем готовить к отправке в Петроград воинскую команду — по два надежных полка с каждого фронта, пулеметную команду, батальон георгиевских кавалеров.

Сцена 6 РУЗСКИЙ И НАЧАЛЬНИК ШТАБА ФРОНТА ДАНИЛОВ У ТЕЛЕГРАФНОГО АППАРАТА. ПСКОВ. ШТАБ СЕВЕРНОГО ФРОНТА

РУЗСКИЙ. *(Лихорадочно пробегает телеграфную ленту.)* Михаил Васильевич сделал выбор!

ДАНИЛОВ. *(Берет телеграфную ленту.)* «Беспорядки, без всякого сомнения, перекинутся в другие большие центры России, и будет окончательно расстроено и без того неудовлетворительное функционирование железных дорог. А так как армия почти ничего не имеет в своих базисных магазинах и живет только подвозом, то нарушение правильного функционирования тыла будет для армии губительно, в ней начнется голод и возможны беспорядки. Революция в России, а последняя неминуема, раз начнутся беспорядки в тылу, знаменует собой позорное окончание войны со всеми тяжелыми для России последствиями. Армия слишком тесно связана с жизнью тыла, и с уверенностью можно сказать, что волнения в тылу вызовут такие же в армии. Требовать от армии, чтобы она спокойно сражалась, когда в тылу идет революция, невозможно»... Судьба армии — это сейчас самое главное.

РУЗСКИЙ. Судьба армии!

ДАНИЛОВ. «Подавление беспорядков силою, при нынешних условиях, опасно и приведет Россию и армию к гибели. Пока Государственная дума старается водворить возможный порядок, но если от Вашего Императорского Величества не последует акта, способствующего общему успокоению, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов, и Россия переживет все ужасы революции. Умоляю, Ваше Величество, ради спасения России и династии поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет.

В настоящее время это единственное спасение. Медлить невозможно, и необходимо это провести безотлагательно. Докладывающие Вашему Величеству противное бессознательно и преступно ведут Россию к гибели и позору и создают опасность для династии Вашего Императорского Величества. Генерал-адъютант Алексеев... Что же делать, Николай Владимирович? Государь сейчас в Пскове. Вы здесь главный воинский начальник, главнокомандующий армий фронта... Какая громадная ответственность!

РУЗСКИЙ. Что вы имеете в виду, Юрий Никифорович? Считаете, мне придется платить за разбитые горшки?

ДАНИЛОВ. Если судьбы России — это «горшок»?..

РУЗСКИЙ. Нам всем придется платить. Мы его не должны выпускать, пока не соберем решения всех главнокомандующих.

Долгое молчание. Аппарат начинает работать.

ТЕЛЕГРАФИСТ. Родзянко...

РУЗСКИЙ. *(Берет ленту, читает.)* Так... Ага! «...войска окончательно деморализованы, идет одна из страшнейших революций, ненависть к Государыне императрице дошла до крайних пределов»... *(Данилову сдавленным голосом.)* «Династический вопрос поставлен ребром». *(Продолжает читать.)* «Анархия достигает таких размеров, что я вынужден сегодня ночью назначить Временное правительство». *(Прерывает чтение.)* Это революция! *(Снова читает.)* «Наша славная армия не будет ни в чем нуждаться. В этом полное единение всех партий».

ДАНИЛОВ. Они уже все решили?

РУЗСКИЙ. Это же блеф! Пока армия не скажет своего слова, они рискуют превратиться в преступников.

ДАНИЛОВ. Они обещают поддержку армии.

РУЗСКИЙ. Это нас, возможно, устроит. Надо сообщить Михаилу Васильевичу об этом разговоре. Родзянко утверждает, что войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявляемых требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Стрекочет аппарат, телеграфист передает текст. Короткое ожидание ответа. Снова стрекочет аппарат.

ДАНИЛОВ. *(Читает ленту.)* Это генерал Лукомский... «Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо, по по-

Генералы А.И. Деникин, А.С. Лукомский, А.М. Драгомилов

лученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками. Если не согласится, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война и Россия погибнет под ударами Германии, погибнет вся династия. Мне больно это говорить, но другого выхода нет».

Данилов и Рузский переглядываются.

ДАНИЛОВ. Как понимать? Либо его отречение, либо гибель семьи? Варварство какое-то!

РУЗСКИЙ. А какая разница, кто будет на троне? Отречение всех устраивает. Монархия сохраняется, бунт ликвидируем... А дальше только мы будем определять, куда двигаться.

Снова стрекочет аппарат.

ДАНИЛОВ. Это Алексеев... «Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армий и работа железных дорог находятся фактически в руках Петроградского Временного правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первый план хотя бы ценою дорогих уступок. Направляю командующим предложение немедленно дать свое отношение к текущему моменту».

Все молчат.

РУЗСКИЙ. *(Берет у Данилова ленту.)* Ценою дорогих уступок... Все! Решение принято. Он должен отречься!

Сцена 7
ЦАРЬ, МИНИСТР ДВОРА ФРЕДЕРИКС, РУЗСКИЙ.
ПСКОВ. ВАГОН-САЛОН ИМПЕРАТОРСКОГО ПОЕЗДА

ЦАРЬ. Что ж, Николай Владимирович, обстановка весьма тревожная. Я приостановил движение войск к Петрограду, надеясь прибыть туда и самому разобраться. Но дорога сейчас все еще во власти взбунтовавшихся элементов. Что сообщают из Петрограда?

РУЗСКИЙ. Ваше Величество, предстоит трудный выбор. Волнения перекинулись и на Москву. В ближайшие дни весь тыл будет охвачен революцией.

ФРЕДЕРИКС. Революцией?!

РУЗСКИЙ. *(Повышая голос.)* Родзянко сообщает: разгромлены полицейские участки, горит Литовский замок, правительство отказалось работать, фактически власть у толпы. В Кронштадте убит адмирал Вирен. Убивают офицеров. Дума образовала Временное правительство, но оно чисто номинальное.

ЦАРЬ. Этот Родзянко вечно паникует...

РУЗСКИЙ. Ваше Величество, да вы не представляете, что произошло!

ЦАРЬ. *(Спокойно.)* А что произошло? Неужели армия изменила присяге? Фредерикс, напомните Николаю Владимировичу присягу.

РУЗСКИЙ. Министры оказались негодными тряпками, Протопопов просто дезертировал...

ФРЕДЕРИКС. Присяга гласит: «Я, нижеименованный, обещаю и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству...»

РУЗСКИЙ. *(Машет рукой.)* Встал династический вопрос!

ФРЕДЕРИКС. «...своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому...»

РУЗСКИЙ. Да помню, помню! Дело не в этом!

ФРЕДЕРИКС. «...и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу, верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови...»

ЦАРЬ. Спасибо, граф.

РУЗСКИЙ. Ваше Величество, катастрофа... По предложению Алексеева главнокомандующие армиями всех фронтов высказываются за... за Ваше отречение и передачу престола наследнику-цесаревичу при регентстве великого князя Михаила Александровича. Вот телеграммы!

Кладет на стол листы с наклеенными телеграфными лентами.

ЦАРЬ. Что это?

РУЗСКИЙ. Телеграммы от всех фронтов. Великий князь Николай Николаевич, Брусиллов...

ФРЕДЕРИКС. Генерал, как вы смеете?!

ЦАРЬ. Армия — не парламент.

РУЗСКИЙ. Вчера я тоже так думал. Вопрос стоит так: либо отречение, либо...

ЦАРЬ. Что «либо»?

РУЗСКИЙ. (Стучит кулаком по столу.) Поражение в войне и всеобщий крах!

ФРЕДЕРИКС. Вы с ума сошли! Я вызову конвой!

Фото: РГАСФД

Прибытие императора Николая II в Одессу. Среди присутствующих — министр Императорского двора В.Б. Фредерикс (стоит за Николаем II)

ЦАРЬ. Не надо, милый Фредерикс. Ведь вы знаете, мой конвой остался в Ставке. Кажется, мы здесь во власти генерала... Но зачем стучать по столу?

РУЗСКИЙ. Все командующие! Все!

ЦАРЬ. И вы?

РУЗСКИЙ. Разумеется.

ЦАРЬ. Я не отрекусь. Это невозможно, в указе императора Павла о престолонаследии такой возможности императору не предоставлено.

РУЗСКИЙ. Простите... Царское Село во власти взбунтовавшихся солдат... Царская семья стала заложницей. Если вы не отречетесь, бунт невозможно успокоить. Жертва необходима. Ради России.

ФРЕДЕРИКС. Отречение — это как самоубийство, великий грех!

РУЗСКИЙ. Это самопожертвование ради Отечества.

ЦАРЬ. Неужели вы думаете, что для меня речь идет о царской короне? Мой брат Михаил ее не удержит!.. Кто там еще? Родзянко? Гучков?

РУЗСКИЙ. Армия удержит!

ЦАРЬ. Армия не для того существует. Даже если вы меня убьете...

ФРЕДЕРИКС. Спаси, Господи!

РУЗСКИЙ. Завтра может быть поздно... Озверевшие толпы...

ЦАРЬ. Даже семью убьете. Это вас не спасет.

РУЗСКИЙ. (Почти кричит.) Мне нечего больше сказать. Судьба России в ваших руках. Народ не хочет, чтобы вы были царем. Не хочет!

Реконструкция сцены отречения Николая II

ЦАРЬ. Народ?

РУЗСКИЙ. Да, русский народ!

ФРЕДЕРИКС. Не верю! Народ за своего царя...

РУЗСКИЙ. Ваше Величество, именно народ! Народ против вас! Не цепляйтесь за власть...

Длительное молчание.

ЦАРЬ. Что ж...

Сцена 8
**ЦАРЬ, АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА,
 ОХРАННИК, ГРИГОРЬЕВ В ВОЕННОМ МУНДИРЕ
 БЕЗ ПОГОН. ЕКАТЕРИНБУРГ.
 ГОСТИНАЯ ДОМА ИПАТЬЕВА**

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. У меня дурное предчувствие... К нам относятся просто враждебно.

ЦАРЬ. Увы, мы их пленники, это надо осознавать.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Но к городу подходят войска адмирала Колчака...

ЦАРЬ. Может быть, нас вызволят?

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Нет, они нас не отдадут.

ЦАРЬ. Будем уповать на помощь Господа. Только не надо детей тревожить.

Стук в дверь. Входят охранник и Григорьев.

ОХРАННИК. Приказано провести к вам товарища.

Уходит.

ГРИГОРЬЕВ. (Отдает честь, вполголоса.) Ваше Величество!

ЦАРЬ. Кто вы?

ГРИГОРЬЕВ. Я прибыл из Киева. Сейчас как уполномоченный Особого отдела Пятой армии красных. Мы вас освободим.

ЦАРЬ. Почему я должен вам верить?

ГРИГОРЬЕВ. Именно так! (К Александре Федоровне.) Я был на лечении в вашем госпитале. Вы меня помните? Подполковник Григорьев, ранение левой руки, контузия.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Как будто помню... Да, да! Виктор Иванович?

ГРИГОРЬЕВ. Виталий Иванович.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. У вас начиналась гангрена?!

ГРИГОРЬЕВ. Началась. Вы спасли... Вы и ваша дочь, великая княжна Ольга... (Поднимает левую руку, шевелит пальцами.) Спасибо... Я уполномочен передать, Ваше Величество, готов надежный отряд офицеров. Немцы готовы помочь.

ЦАРЬ. (К Александре Федоровне.) И Вильгельм нас освободит?

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. После того как наш английский кузен отказался нас принять, осталось уповать на чудо.

ГРИГОРЬЕВ. Чудеса бывают... Рано или поздно войны кончаются, наступает мир...

Кайзер Германской империи Вильгельм II

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Никак не верится!

Из соседней комнаты доносится игра на балалайке. «Камаринская».

ЦАРЬ. *(Прислушивается, грустно улыбается.)*

ГРИГОРЬЕВ. Вас непременно освободят.

ЦАРЬ. Что же вы намерены делать?

ГРИГОРЬЕВ. Вы ведь слышали, большевики подписали в Бресте мир с Германией?

ЦАРЬ. Да, это ужасно. Я никогда бы на это не пошел!

ГРИГОРЬЕВ. Это вынужденно. После того, что случилось, воевать никто не хочет и не может. Лучше такой мир, чем смерть. А потом, когда Россия окрепнет, договор можно пересмотреть.

Царь и Александра Федоровна переглядываются.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. И меня еще называли немецкой шпионкой!

ЦАРЬ. Вот как поворачивается...

ГРИГОРЬЕВ. Ваше Величество, немцы просят о небольшой услуге.

ЦАРЬ. Да, слушаю...

ГРИГОРЬЕВ. Необходимо признать, что вы согласны с Брестским миром. Фактически — формальность. Но без этого ничего не получится.

ЦАРЬ. *(Встает, ходит по комнате.)* Отдать Курляндию, Малороссию, Крым! Согласиться на развал России! Невозможно!

ГРИГОРЬЕВ. Россия еще поднимется... Будем смотреть фактам в лицо: Курляндия, Крым и Малороссия в данный момент захвачены немцами.

ЦАРЬ. Захвачены, но не отданы... К чему этот разговор?

ГРИГОРЬЕВ. Надо быть реалистами...

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Не надо, умоляю!

ГРИГОРЬЕВ. Ведь было монгольское иго, были в Москве поляки, Наполеон... И это пройдет! Россия поднимется назло всем врагам.

ЦАРЬ. Была Россия... А что дальше, никому не дано знать... Может, и поднимется, если мы останемся русскими.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Мы останемся русскими... До конца!

Икона святых царственных страстотерпцев (Елоховский собор, Москва)

ГРИГОРЬЕВ. Мы хотим вас спасти! Второго шанса не будет. А русские? Мы нынче расколоты, нам еще придется ответить за свое предательство.

ЦАРЬ. (Решительно.) Я вас более не задерживаю, господин подполковник. Я все обдумал. Вот что я вам скажу! Мой ответ: ничего подписывать не буду.

Отходит к окну. Александра Федоровна встает и крестит его со спины.

ГРИГОРЬЕВ. (С горечью.) Я так и думал. Я говорил тем, кто меня послал, что вы откажетесь... (С выражением сострадания смотрит на царя.) Прощайте, Ваше Величество.

ЦАРЬ. (Протягивает руку.) Прощайте.

Григорьев уходит.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. А я его помню... Он все хотел, чтобы Ольга делала ему перевязку... Сейчас скажу ей, ей будет приятно.

ЦАРЬ. Солнышко мое, какие славные у нас дети... Этого никто не отнимет. Никогда.

Над сценой в исполнении хора торжественно звучит «Славься» из оперы Михаила Глинки «Иван Сусанин».

Участники спектакля выходят на сцену.

КОНЕЦ

БС

ПЭС 14143/31.10.2014

Вид подвала дома Ипатьева в Екатеринбурге после расстрела царской семьи в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.